

юность, осененную надеждами, тревожную зрелость и мудрую старость.

Даже те, кто с самого начала понял и принял искусство Елены Камбуровой, — растерялись. То, что она пела, называли как угодно — музыкальными новеллами, миниатюрами, даже театром Камбуровой. Между тем, Камбурова исполняла песни. Песня — прекрасный, серьезнейший жанр диалога со зрителем о главном — осталась неузнанной. Таков стереотип зрительского восприятия.

Поначалу он мстил ей жестоко. После первых

ПАРАДОКС О КАМБУРОВОЙ

Елена Камбурова исполняет песни.

При очевидной простоте и банальности сказанного — в этих словах, а вернее, в том, что кроется за ними, — трудная судьба честной и талантливой актрисы, выстраданность ее собственного пути в искусстве. Все дело в том, что понимать под словом «песня».

В лучшем случае эстрада воспитывает в зрителе вкус, плохой или хороший. В худшем — утверждает в нем отсутствие всякого вкуса. Есть зрители, воспитанные на песнях, одетых в пышные костюмы фешенебельных ансамблей или в ханжески простецкую современную джинсу. В первом случае песня «поскачет» взор, во втором ее слушают ногами: ритм организует скорее движение тела, нежели мысли. И в обоих случаях зритель остается доволен, но вряд ли взволнован. Не приведи господь такого зрителя на концерт Камбуровой.

Ее песня скорей обнажена, чем одета. А если и одета, так в трико арлекина или принца датского. Ее песне чужды напыщенность и шелест шелков, призванных сокрыть пустоту, отвлечь взгляд от застенчивой пошлости бездарных сюжетов про бедную верность или не любимую никем девушку. Песне Камбуровой нужно,

чтобы от нее не отвлеклись. Так как она исполняет вpletенные в музыку стихи Маяковского и Неруды, Лермонтова и Цветаевой, Окуджавы и Левитанского, Поженяна и Светлова. Она исполняет то, что нужно слушать, не отвлекаясь, — иначе не поймешь.

Гаснет свет на сцене, и в лодной темноте луч выхватывает для нас лицо актрисы, ее руки с длинными хрупкими пальцами. Молчит рояль. Елена Камбурова начинает свой нелегкий диалог с каждым из сидящих в зале. Она поет «Старую солдатскую песню» или «Слушай». Но вот уже нет актрисы. На сцене оживают стихи Булата Окуджавы и Ивана Гольц-Миллера. Из мрака проступают стены печального и сурового равелина, бездонные каменных колодцев, гулкие шаги конспиров и крик, испуганной птицей летящий от каземата к каземату. Или унылая дорога с пылью солдатских бизахов и наскоро вырытыми грустными могилами. И дожди, и свихшиеся со смертью люди, и этот путь, горький и родной, которому нет конца...

Камбурова сумела сделать то, что может далеко не каждый, выходящий сегодня на эстраду. Она сумела показать зрителю поэзию. Заставила образы

ожить. И они, укрощенные ее дарованием, на наших глазах стали воскресать, двигаться, работать...

Как удастся ей высвободить колоссальную энергию, замурованную в строчки? Иногда кажется, что Камбуровой помогают жест, удивительная пластика голоса. вспомните ее иконописные кисти рук и склоненную голову в никитинской «Смерти Ивана Грозного» или парад интонаций в «Фаллах датского короля». И все-таки этого мало. Согласитесь, лучшим в поэзии кажется нам то, что и мы чувствовали, да не могли высказать. И не за преодоление ли собственной душевной немoty благодарны мы поэту? Елена Камбурова исполняет только то, что могла бы написать сама, она поет свое, точно высказанное другими. Отсюда изысканность, избранность, индивидуальность ее репертуара, отсюда жгучая потребность делиться понятным ей и стремление быть понятой зрителем. Отсюда, наконец, и эстетика ее искусства, суть которой в том, чтобы показать образный строй песни. Случайно ли одна из песен Ларисы Критской, исполняемая Камбуровой, названа «Как показать зиму»? Дар драматической актрисы позволил ей представить не только зиму, но и быстротекущее время,

концертов были слезы и отчаяние: ее не понимали. От нее ждали другого, привычного. А не дождавшись, торопились предста в и ть Камбурову певицей для избранных, подразумева я круги рафинированной интеллигенции.

Она и сейчас актриса не для всех. «Мой зритель, — говорит Елена Антоновна, — совсем не обязательно человек интеллигентной профессии. Главное, чтобы он не был мещанином, не потерял потребность в поэзии, не растерял чувства красоты, музыки. Мой зритель — человек, не забывший свое детство».

Минули годы, и логика нашей жизни, нашего развития и роста воспитала целое поколение людей, глубоко знающих поэзию, влюбленных в нее. Именно поэтому главное в искусстве Елены Камбуровой — ее зритель, нашедший свою, нужную ему актрису, обладающий потребностью сочувствовать с ней, понимать ее. Оттого и высокий смысл работы Камбуровой благороден. Он в том, что ее песни, гневные и нежные, строгие и беззащитные интимные, обращенные к сердцу и мысли каждого в отдельности, — вдруг на секунду, на миг объединяют сотни взволнованных сердец и просветленных умов. Объединяют.

Ю. ЛЕПСКИЙ.